

О. А. ЛАПТЕВА

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ*

Учение об актуальном членении предложения, прообраз которого возник более ста лет тому назад¹ и которое оформилось в лингвистическом плане в течение нескольких последних десятилетий², к настоящему времени представляет собою самостоятельное направление в теоретическом языкознании, которое собирает все большее число участников. Если на первых порах его существования, когда основные его понятия и идеи складывались в русле логического и психологического направлений со свойственной им схематизацией языковой действительности, несложное здание его построений было вполне прозрачным из-за своей упрощенности, то теперь, с усложнением объекта лингвистического постижения, с усиленной разработкой грамматической теории и «традиционным», и новыми направлениями задачи теории актуального членения также существенно усложнились. Немалую роль в этом новом статусе дисциплины играет и ее количественный рост. Расширение состава исследователей влечет за собой и расширение границ учения об актуальном членении³ — оно прилагается к разному языковому и — в пределах одного языка — стиливому материалу, все шире вторгается в область изучения интонации и формальных языковых средств, все в большей мере увязывается с основными положениями грамматической теории. Выявляются его достоинства и слабые места, достижения и пробелы. Вместе с тем множественность преломлений учения об актуальном членении и его трактовок, трудности роста ведут и к не всегда достаточно отчетливому пониманию некоторых существенных для теории вопросов.

И. Остается не выясненным, к какому уровню языковой системы принадлежит явление актуального членения. Содержательная трактовка этого вопроса имеет первостепенное значение как для построения адекватной теории, так и для общей теории синтаксиса. Предстоит выяснить,

* Основные положения этой статьи неоднократно обсуждались совместно с Т. М. Николаевой, которой автор приносит свою глубокую благодарность.

¹ См.: Н. W e i l, De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes, Paris, 1844.

² Это обычно связывается с именем В. Матезиуса (первые его работы в этой области относятся еще к 1907—1908 гг., окончательная формулировка основных положений теории к 1930-м гг.). Можно назвать еще работы Фр. Травничка, также тридцатых годов, и В. Эртля — двадцатых. У нас обсуждение вопросов коммуникативной структуры предложения было начато А. А. Шахматовым. Уже в тридцатые годы к ним обратился В. Г. Адмони. Подробный обзор см. в кн.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 139 и сл. См. также: J. F i r b a s, Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of functional sentence perspective, «Functional sentence perspective. Papers prepared for the Symposium held at Mariánské Lázně on 12—14th October. 1970» [потапронт].

³ См.: «Materiály k bibliografii prací o aktuálním členění větném», sest. Z d. T y l, Praha, 1970; эта библиография насчитывает 663 работы, но она далеко не полностью отражает, например, советские исследования последних лет, особенно появившиеся не в центральных органах. (С сожалением приходится констатировать некоторые ошибки — например, работа Фр. Травничка 1937 г. значится под 1927 г.)

возможно ли универсальное решение этого вопроса для языков разных типов. Пока он привлекает наибольшее внимание преимущественно со стороны исследователей языков флективного строя (и английского) и наиболее активно разрабатывается на русском и славянском материале. Существуют следующие возможности:

1. Явление актуального членения принадлежит грамматическому уровню⁴ и относится к предложению⁵. Отсюда следует, что в качестве синтаксического оно должно учитываться при определении структурных моделей предложения и включаться в соответствующий набор элементарных единиц и схемы их сочетаний⁶. Аргументами в пользу такой точки зрения могли бы служить как явления грамматически идентифицирующей роли порядка слов (впрочем, не массовые в славянских языках), так и явления тесной зависимости некоторых грамматических категорий и категорий актуального членения (так, явления предикации и полупредикации возникают при вычлениии нового элемента сообщения и связаны с тем, что обычно называется логическим акцентированием⁷; связи, возникающие в пределах словосочетания, могут изменяться под воздействием актуального членения и т. д.⁸).

2. В соответствии с получившей в последнее время широкое распространение идеей ступенчатости, теорией иерархии основных синтаксических единиц⁹ актуальное членение относится к ступени речевых реализаций структурных схем предложения и считается принадлежностью высказывания. Тем самым оно оказывается на уровне манифестации языковой системы в речи и выводится за пределы языковых абстракций высшего

⁴ Подобной точки зрения придерживаются в своих известных работах И. П. Распопов, К. Г. Крушельницкая, а имплицитно многие другие исследователи. Эксплицитно эта точка зрения сформулирована в работе: M. A. K. Halliday, *The place of «functional sentence perspective» in the system of linguistic description*, «Functional sentence perspective ...».

⁵ См., например: Н. Д. Арутюнова, *О взаимодействии номинативного и коммуникативного аспектов предложения*, «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Тезисы докладов», Л., 1971. В. З. Панфилов считает актуальное членение неотъемлемой принадлежностью предложения, но выводит его за пределы синтаксического уровня (В. З. Панфилов, *Грамматика и логика*, М.—Л., 1963, стр. 40 и др.; его же, *Взаимоотношение языка и мышления*, стр. 138 и сл.).

⁶ Таких попыток, однако, нет, кроме представленной в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970).

⁷ См.: В. З. Панфилов, *Взаимоотношение языка и мышления*, стр. 169 и сл., 199 и др.

⁸ См., например: J. Mistrík, *Slovosled a vetosled v slovenčine*, Bratislava, 1966 (о более ранних чехословацких работах, затрагивающих эту проблему, см.: О. А. Лаптева, *Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения*, ВЯ, 1963, 4); Н. Кřížková, *Предикативное определение и структура предложения в современном русском языке*, «Slavia», 1969, 1; А. С. Мельничук, *Порядок слов и синтагматическое членение предложений в славянских языках*, Киев, 1958; Б. В. Кедис, *Порядок слов в субстантивированных словосочетаниях в английском и латинском языках*, Рига, 1969. Особенно интересно стоит вопрос о так называемых детерминантах. Включаясь в структурную схему предложения, они вместе с тем обычно участвуют определенным образом и в актуальном членении (в его общепринятом понимании). См. статью, заключающую дискуссию: Н. Ю. Шведова, *Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложений?* ВЯ, 1968, 2. В книге П. Адамца «Порядок слов в современном русском языке» (Praha, 1966) последовательно учитывается зависимость актуального членения от семантики и грамматического состава предложения.

⁹ Имеются в виду известные работы Ф. Данеша о трехуровневой природе синтаксической единицы (план лексического наполнения и смысловой структуры предложения, план его грамматической структуры и план речевой реализации этой структуры), ставшие очень влиятельными в отечественном языкознании последних лет. Их результаты учитываются, например, в построениях новой «Грамматики» (1970), в работах В. А. Белошапковой. Ср. также: M. Grepil, *Emocionálně motivované aktualizace v syntaktické struktuře výpovědi*, Brno, 1967.

ранга¹⁰. Аргументом в пользу такой точки зрения служит то, что при изменении порядка слов в предложении — например, славянском — основные грамматические отношения компонентов предложения остаются неизменными. Кроме того, компоненты актуального членения обнаруживают соотношенность с конкретным содержанием предложения, с его лексическим (контекстуально обусловленным) наполнением (так, если для структурной схемы предложения *Иван идет в Москву* безразлично лексемное выражение каждого члена, то для соответствующего высказывания именно оно может оказаться первостепенным). Еще одним аргументом следует считать факт зависимости актуального членения от собственно синтаксической организации материала (так, словосочетание может оказывать сопротивление актуальному членению и благодаря стабилизации своих связей выступать комплексно вопреки задачам раздельного представления членов сообщения¹¹. Поэтому осуществление актуального членения на уровне предложения и на уровне словосочетания может оказаться различным)¹².

3. Уровень актуального членения лежит над уровнем синтаксиса, это следующая ступень языковой абстракции. Основным аргументом здесь служит значительная общность явлений актуального членения в языках разного строя, позволяющая интерпретировать функциональную перспективу предложений самых различных типов всего лишь в двух терминах (обычно «данное» — «новое»)¹³. Материальные средства выражения актуального членения — порядок слов и интонация, в некоторых языках артикль и специализированные показатели — лексические и морфологические — относятся таким образом к особому суперсегментному уровню.

4. Явление актуального членения весьма широко изучается и в связи с задачами установления соотношений основных категорий языка и мышления. Факт большой близости (возможно — параллелизма) членения суждения на *S* и *P*, а высказывания — на данное и новое¹⁴ побуждает некоторых исследователей или относить актуальное членение непосредственно к области структуры мысли, т. е. выводить его за пределы языка, рас-

¹⁰ Рассмотрение в этом плане явлений актуального членения И. И. Ковтуновой [см. ее: «Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в.», М., 1969; «Актуальное членение и система языка», «Functional sentence perspective...», соответствующие разделы в новой «Грамматике» (1970)], представляющее собою первую, весьма интересную и остроумную попытку систематизации схем актуального членения, противоречиво в том отношении, что построение этих схем осуществляется в плане языковой парадигматики, хотя само актуальное членение признается принадлежащим уровню высказывания (в то же время в «Грамматике» здесь использован термин «предложение», хотя коммуникативные схемы предложения выводятся за пределы его структурных схем, что нельзя признать последовательным осуществлением принятой концепции).

¹¹ Ср.: Н. Н. Прокопович, К вопросу об аспектах анализа предложения, «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков».

¹² В другой терминологии эти явления трактуются как принадлежащие глубинной или поверхностной структуре предложения (Н. Хомский, А. А. Холодович, А. В. Исаченко). См. обсуждение вопросов порядка слов на VI Международном съезде славистов в Праге в 1968 г. («Resumé přednášek, příspěvků a sdělení», Praha, 1968). Отчет см.: V. H r a b ě, Z VI. mezinárodního sjezdu slavistů v Praze, SaS, 1969, 1, стр. 76 и сл. В работе: O. D a h l, Topic and comment. A study in Russian and general transformational grammar, Göteborg, 1969 дается (в соответствии с учением Н. Хомского о глубинной и поверхностной структуре предложения в связи с расположением его компонентов) рассмотрение некоторых типов простого предложения в русском языке посредством оперирования понятиями и терминами символической логики.

¹³ Ср.: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 230.

¹⁴ Степень этой близости обычно не устанавливается. Иногда между *S* — *P* и данным — новым ставится знак равенства (В. З. Панфилов).

смаывая как способ проявления структуры суждения¹⁵, либо избирать специальное решение, принимая для него особый уровень — логико-грамматический¹⁶. Основная возникающая здесь трудность состоит в интерпретации синтаксического материала с точки зрения его соотносимости с суждением (имеются синтаксические структуры, не выражающие суждения; предстоит выяснить их отношение к актуальному членению¹⁷).

Несомненно, что аргументация в пользу различных точек зрения (названная здесь и другая возможная) отражает реальные характеристики явления актуального членения, которое таким образом предстает как весьма сложное и многоплановое, как область схождений многих разнохарактерных признаков. Будучи связано в первую очередь с линейно-временным способом осуществления речи, с созданием функциональной перспективы высказывания¹⁸ и являясь функциональной категорией, актуальное членение возникает при воплощении языковой структуры в речи, отражает структуру категорий мышления и определяется непосредственной коммуникативной задачей говорящего. При этом может наблюдаться и несовпадение плана языковой системы и плана ее речевой реализации, плана логического и плана языкового, что естественно при переходе от одной системной организации к другой и, видимо, не нарушает принципа изоморфизма.

II. Реальное речевое проявление актуального членения, отражаемое и в самом наименовании явления, состоит в расчлененном представлении структуры высказывания. Возникает вопрос о природе элементарных единиц актуального членения. Существующие термины (логический субъект — логический предикат, тема — рема, данное — новое, исходная часть — ядро¹⁹) сходятся в обозначении бинарности членения и на практике употребляются без существенных отличий²⁰, различаясь, кажется, лишь тем, что в третьей паре, употребляемой в последнее время чаще, наличествует указание на содержательную интерпретацию членов деления. Используя названную терминологию, исследователи тем самым при-

¹⁵ Ср.: М. И. Стеблн-Каменицкий. Предикативность?, «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков».

¹⁶ Так поступает В. З. Панфилов, считая при этом, что актуальное членение выражает субъектно-предикатную структуру суждения. Основой для выделения логико-грамматического уровня служит то, что актуальное членение следует строению суждения и при этом выражается языковыми средствами. Однако то же в целом можно сказать и о предложении, и о слове. Поэтому содержательная характеристика этого уровня теряет свои очертания.

¹⁷ В. З. Панфилов считает, что отсутствие актуального членения означает и отсутствие суждения («Грамматика и логика», стр. 36). На стр. 41 его книги «Грамматика и логика» приводится обзор мнений по вопросу отнесения актуального членения к тому или иному уровню языка. Обсуждение этого вопроса см. в работе: В. В. Бабайцева, Соотношение логического, актуального и синтаксического членения двусоставного повествовательного нераспространенного предложения при морфологизированных главных членах, сб. «Развитие русского языка в советскую эпоху», Воронеж, 1969. См. также: В. Н. Багратов, Некоторые замечания о взаимодействии семантической структуры предложения и актуального членения высказывания, «Уч. зап. [Свердл. пед. ин-та]», 108, 1970. В работах И. Ф. Вардуля (см., например: «К обоснованию актуального синтаксиса», сб. «Язык и мышление», М., 1967) дается обоснование потенциального и актуального уровней с точки зрения теории о количестве сообщаемой информации. Н. З. Котелова («О логико-грамматическом уровне в языке», там же) склоняется к точке зрения В. З. Панфилова.

¹⁸ В сложившейся практике содержание этого термина оказывается шире содержания термина «актуальное членение».

¹⁹ См. сообщение Ф. Данеша о симпозиуме по актуальному членению (ВЯ, 1971, 3, стр. 145).

²⁰ Тему и данное различает И. И. Ковтунова, выделяя даже случаи, когда тема обозначает новое. При этом под темой, видимо, понимается первый по порядку член при неэкспрессивном словорасположении («Актуальное членение и система языка»).

нимают качественное различие единиц актуального членения²¹. Способ представленности этих единиц в предложении (resp. высказывании) заключается в таком соотношении с грамматическим составом предложения, при котором они оказываются автономными по отношению к этому составу и могут соответствовать любым его членам (некоторые оговорки были сделаны выше).

Этот тезис, согласно принимаемый практически всеми исследователями, не прошел, однако, должной проверки на фактическом материале. Он получил обоснование на специально отобранных и препарированных фразах²² и не был впоследствии применен к сплошному обследованию текста, прилагаясь обычно лишь к материалу, приводимому выборочно с иллюстративными целями. Другим общим недостатком является субъективизм в выделении и идентификации применяемых понятий. Практически это означает, что при анализе текста отнесение той или иной части фразы к составу данного или нового производится интуитивно и оставляет возможность иной интерпретации — как в установлении границы составов, так и в их содержательной характеристике²³. Имеющиеся расхождения не случайны²⁴.

Надо сказать, что выделение элементарных единиц актуального членения и теоретически не всегда четко соотносится с принимаемым пониманием природы актуального членения. Определению соотношения единиц актуального и собственно синтаксического членения (первые из них обычно берутся как заданные) при отнесении актуального членения к уровню синтаксиса препятствует их принадлежность к одному уровню (единицы одного уровня не могут выделяться по разным основаниям). Вот почему соотношение явлений предикирования и модальности (если понимать ее широко как отнесение сообщения к действительности) с явлениями, описываемыми термином «новое» («рема», «ядро»), до сих пор нельзя считать установленным²⁵. При отнесении актуального членения к высказыванию (в противоположность предложению) это затруднение отпадает, но возникает вопрос о том, что параллелизм поверхностной структуры, а значит и составляющих элементов предложения и высказывания (ведь их внешняя форма всегда идентична, поэлементно они совпадают) должен противиться нарушению внутреннего изоморфизма, имеющему место при несовпадении составов подлежащего и сказуемого с составами данного и нового. Если относить актуальное членение к уровню более высокой абстракции, чем уровень синтаксиса, то сама природа абстрагирования этого уровня остается неясной, поскольку идея данного — нового больше связана с содержательной стороной текста, нежели идея компонента предложения. Наконец, в случае отнесения актуального членения к области логики

²¹ Менее ярко это выражено в теории К. Бооста о «наполнении», которое разрешается к концу фразы, и в теории Я. Фирбаса о коммуникативном динамизме (от понятий «данное — новое» Я. Фирбас не отказывается).

²² См.: V. M a t h e s i u s, *Čeština a obecný jazykozpyt*, Praha, 1947.

²³ Фр. Данеш («FSP and the organization of the text», «Functional sentence perspective...») дает подробный содержательный разбор понятий темы и ремы, данного и нового показывая их относительный характер, их внутреннюю сложность. Из этого разбора явствует, что некритическое применение понятий «данное» и «новое» к реальному тексту встречает серьезное сопротивление материала.

²⁴ Они проявляются и в интерпретации средней части, выделение которой, наряду с составами данного и нового, восходит к Фр. Травничку.

²⁵ Г. М. Р а й х е л ь, *Предикативность и предложение*, «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков». Своеобразная попытка установления соотношений между категориями «предикативность» и «сказуемость», «модальность» и «наклонение», трактуемых в плане дихотомии «логико-грамматический» — «синтаксический», представлена в кн.: В. З. П а н ь л о в, *Взаимоотношение языка и мышления*.

вполне можно было бы удовлетвориться лишь единицами суждения (*S* и *P*), не прибегая к понятиям данного и нового. Кроме того, возникает принципиальное препятствие при анализе актуального членения таких форм, как однословные безличные и номинативные предложения, с одной стороны, как вопрос и побуждение, с другой, логическая природа которых не укладывается в рамки обычного суждения²⁶. Попутно заметим, что у терминов «тема» и «рема» есть еще и тот недостаток, что они не несут в себе добавочного содержания сравнительно с терминами «субъект» и «предикат».

Попробуем проанализировать реальный текст с помощью обычно применяемых единиц «данное» (resp. «исходная часть») — «новое» (resp. «ядро»). Облегчим задачу обращением к тексту массовой адресации, а в пределах его — к типичным случаям видимого совпадения единиц синтаксического и актуального членения; подобные случаи к тому же являются примелькавшимся стилистическим приемом. Вот характерный пример: «Все так и есть: сегодня Набережные Челны — невелик городок. Но будущее ему уготовано завидное!» (К. пр. 12 III 70). В соответствии с принятыми представлениями текст хотелось бы интерпретировать так: *сегодня Набережные Челны* — данное первого предложения, *невелик городок* — новое первого предложения, *будущее* — данное второго предложения, *завидное* — новое второго предложения. Но этому препятствует внутренняя структура текста: параллелизм *сегодня* — *будущее* (и далее после второй фразы следует подробный рассказ о будущем), основанный на семантическом сопоставлении или противопоставлении, создает на этих членах повышенную коммуникативную нагрузку. Может быть, это и есть новое обоих предложений? Но что же тогда *завидное*, стоящее в дистантной позиции в отношении *будущее*? И как рассматривать *невелик городок*? Лишь *Набережные Челны* хорошо укладываются в привычное представление «данное», так как в предшествующем тексте было дано описание нахождения этого места на карте.

Еще несколько однородных примеров из газет:

«В каждом из концертов принимают участие ансамбль скрипачей и многие солисты. *Интерес* к этим выступлениям *огромный*» (ВМ 15 I 70); «Прежде этот завод делал мельницы в деревянном корпусе. *Спрос* они имели *огромный*» (ВМ 13 XII 69); «Естественно, товарищи делились впечатлениями о том, как принимали их на предприятиях, заводах, фабриках. *Интерес* к украинской науке был проявлен *большой*» (ВМ 17 I 70); «Предстоящие выступления ведущих танцовщиков училища — отчет выпускников нескольких поколений. *Программа* намечена *обширная* — 3-й акт из балета Л. Делиба „Коппелия“ и дивертисмент, где наряду с выпускниками заняты ученики младших и средних классов» (ВМ 15 I 70); «Пост на проспекте или в парке — это, разумеется, не пограничная вышка, с которой видны поляны и тропки, а с оптикой просматриваются и лесные обитатели. Однако и здесь *зоркость* требуется *не меньшая*» (ВМ 7 I 70); «Учитель нервничает, что от своей работы отвлекается, сердится — *ученик* попался *непонятливый*, а сам правильно учитывать его характер, способности не умеет» (ВМ 17 I 70); «На строительстве Чертановского мясоперерабатывающего завода сегодня трудятся сотни строителей и монтажников. Наступил ответственный момент — наладка и пуск оборудования. Решено пустить завод в эксплуатацию и выдать первую продукцию в этом месяце. *Времени* осталось *мало*. На всех четырех этажах работают

²⁶ Попытки такого рода имеются — правда, на уровне отнесения актуального членения к высказыванию. См.: Н. К ř í ž k o v á, Tázací věta a některé problémy tzv. aktuálního (kontextového) členění, «Naše řeč», 51, 1968.

вместе с другими строителями и монтажниками слесари московского монтажного управления треста „Союзмясомолмонтаж“» (ВМ 1 IV 70).

Для простоты не будем анализировать весь текст, но только отмеченные курсивом однородные случаи, в которых первый элемент, совпадающий с синтаксическим подлежащим, должен быть признан данным, второй, совпадающий с синтаксическим сказуемым, — новым. Мы специально приводили обширный контекст, чтобы показать, что повода для такой интерпретации он не дает — «новым» является и первый (он не упоминался прежде) и второй член. В то же время рассматривать эти предложения как нерасчлененные также не представляется возможным — слишком явно дистантное разъединение семантически полнозначных членов.

Думается, что релевантным для единицы актуального членения оказывается только один признак — относительная степень коммуникативной (информативной) нагрузки. В этом смысле компоненты актуального членения принципиально не различаются. Такая характеристика, как содержательное отношение к предшествующему контексту, подвижна и необязательна. Она может быть представлена при построении высказывания (например, когда имеются отношения сопоставления, противопоставления), но может и отсутствовать и потому является лишь частным случаем организации текста. Стремление найти данное и новое в любом случае ведет к субъективизму интерпретации и различающимся решениям. Неосознанное скептическое отношение к понятиям «данное — новое» стихийно проявилось в мнении о несовпадении объема терминов «тема — рема» и «данное — новое».

По признаку степени коммуникативной (информативной) нагрузки выделяется основная единица актуального членения — коммуникативный (информативный) центр. Возникает вопрос о количестве таких единиц в высказывании. Думается, что не связанные между собою отношения бинарности и выделяемые не по качественному (содержательному), но по количественному признаку, такие единицы могут быть представлены в высказывании в разном числе — от одного до n ²⁷. Они соотносятся друг с другом таким образом, что могут нести равное или неравное количество информации. При этом они вступают в определенные отношения и с остальными частями высказывания, которые не составляют информативный центр по причине малой коммуникативной нагрузки²⁸. Субъективный момент в трактовке не оказывается исключенным полностью и при таком подходе, поскольку, руководствуясь данными о содержании и цели высказывания, предстоит установить, какие его части более важны и какие менее важны для его смысловой организации. Но он и не может быть принципиально полностью устранен — ведь человеческая речь обращена к субъекту и рассчитана на его восприятие, и исследователь не составляет исключения.

Единица актуального членения, обозначаемая нами как коммуникативный (информативный) центр, обладает большей универсальностью, чем соответствующие содержательные единицы («данное» — «новое»). Известно, что последние лишь с большой натяжкой применялись к ана-

²⁷ Если пользоваться понятием «новое», то может оказаться, что членение наличествует лишь внутри его состава. Идея иерархической, многоступенчатой организации высказывания — внутри нового снова вычленяется новое (см.: О. А. Л а п т е в а, Расположение одиночного качественного прилагательного в составе атрибутивного словосочетания в русских текстах XI—XVII вв. Автореф. канд. диссерт., М., 1963) — как раз и отражает принципиальную возможность членности высказывания на n центров.

²⁸ Подробнее об этом говорится в статье: О. А. Л а п т е в а, Некоторые понятия теории актуального членения применительно к высказыванию в разговорной речи (в печати).

лизу конкретного естественного текста, в особенности художественного, насыщенного сложными предложениями (например, текста Достоевского или Л. Толстого)²⁹. Приходилось прибегать к помощи идеи иерархической организации единиц, которая тоже не всегда помогала. Для анализа текстов разговорных, кратких, обычно не имеющих пространных контекстов, они тоже не очень годились (в самом деле: где данное и где новое в единичных репликах типа: — *Закрой дверь!*; — *Перчатка упала!*; — *Ты куда?*; — *Я здесь*. Или здесь нам будет предложено пользоваться неясной идеей нерасчлененности?). Информативный же центр может быть в высказывании любого типа.

Наименьшие затруднения представляет выделение информативных центров в высказываниях звучащей повседневной речи. Здесь задача облегчается наблюдением над ритмико-интонационной структурой, которая отражает коммуникативную структуру высказывания, хотя, конечно, далеко не всегда полностью с ней совпадает. Ср. такие фразы с числом центров, большим двух: — *Ты знаешь я что думаю? Я думаю что писать можно музыку совершенно спокойно; Мне хоть бы другую карточку; ... и без конца, без конца с ним такие происходили истории; Я уже в трёх была магазинах хозяйственных — нигде палки нету; Кадров здесь красивых очень много будет; Очень много было интересных вещей; Крепко он сожалел, что бросили его на хозяйственную работу*. В подобных фразах, возникающих в речи единично, лишь для данного случая, все подвижно — от места и числа ритмико-интонационных усиления до коммуникативной структуры. Они могут — при эксперименте — быть произносимы вновь и вновь в разных вариантах (число которых, конечно, весьма ограничено) — но в каждом отдельном речевом осуществлении в них образуется своя однозначная связь между ритмико-интонационной и коммуникативной структурами, которые тоже при этом вполне однозначны. Эта гибкость речевых структур находит свое отражение при применении понятия информативного центра. Здесь же заметим, что не все речевые структуры коммуникативно и ритмико-интонационно переменны — автоматизм устной речи обуславливает наличие в ней большого числа структур с устойчивым и не подверженным изменениям строением.

Использование понятия информативного центра должно привести к уточнению ряда общих вопросов — в частности, о соотношении актуального и грамматического членения, актуального и ритмико-интонационного. Предстоит выяснить, может ли (и каким образом) грамматический материал оказывать сопротивление актуальному членению, могут ли ударные ритмико-интонационные звенья фразы соответствовать частям высказывания, не входящим в информативный центр³⁰.

III. Заслуживает обсуждения и изучения еще один вопрос. Он связан с выяснением возможностей членности языкового материала и может быть поставлен так: 1) представлено ли актуальное членение в каждом конкретном высказывании?; 2) представлено ли актуальное членение в каждом конкретном типе текста?

²⁹ Показательна неудача Б. А. Ильина в анализе такого рода («Об актуальном членении предложения», сб. «Вопросы теории английского и немецкого языков», Вологда, 1969), которая носит не личный, а принципиальный характер.

³⁰ Подробнее см.: О. А. Л а п т е в а, Некоторые понятия теории актуального членения ..., где первые наблюдения такого рода свидетельствуют о том, что это соответствие возможно. Там же описываются случаи несовпадения, столкновения ритмико-интонационной и информативной структуры высказывания. Ритмический принцип в его взаимодействии с актуальным членением исследовался в чехословацкой лингвистике. См.: J. F i r b a s, From comparative word-order studies, «Brno studies in English», IV, Praha, 1964; E. P a u l i n y, Gramatické činitelia a vetný takt pri slovoslede, «Slovenská reč», XVI, 7, 1950—1951.

К какой бы точке зрения из названных четырех в первом разделе относительно природы уровня актуального членения мы ни примкнули, из того факта, что актуальное членение признается явлением языкового (или логического) уровня и тем самым универсальным — в смысле охвата языковых фактов — явлением, следует, что каждая синтаксическая единица (предложение, высказывание), реализуясь в речевом акте и находясь при этом на данном (принимаемом исследователем) уровне, членится в соответствии с коммуникативными установками говорящего (resp. пишущего).

Насколько это верно (а забегая вперед, скажем, что это неверно)³¹, показывает хотя бы материал так называемых нерасчлененных предложений (типа *Мне холодно, Стало сыро*, где нерасчлененность выражена грамматически, и *Я пошла в кино, Я сегодня обедал в столовой*, где она не выражена из-за грамматической двусоставности). Принято считать, что они составляют особый класс, безразличный к актуализации. Однако отсутствие актуализации в них вряд ли следует связывать с их категориальными свойствами (которые к тому же остаются неясными) — ведь любое из подобных предложений может быть представлено расчлененно (ср. хотя бы горьковское: *Море — смеялось*).

Неактуализированные предложения самого различного грамматического состава бывают широко представлены в любом тексте разной функциональной отнесенности — начиная от наиболее чуткого к актуализации разговорного и кончая научным. Возьмем хотя бы расшифровку магнитофонной записи диалектной речи, приводимую В. И. Трубинским: «неделю лежал, камень привязан да тут складено на ноги, навещали его, передачу носили, я фсе бегом ы бежу, до страды то дожили дак он ужэ и лопатить косы стал»³². В пределах этого высказывания объединены преимущественно синтаксически двучленные структуры, не подвергнутые речевой актуализации. Содержание высказывания доносится до слушателя не по отдельным частям двучленных структур, а суммарно, в соответствии с развертыванием его синтаксической организации. (Заметим, что этому способствуют и неясность границ между отдельными высказываниями в потоке связной речи³³, их сцепление по принципу ассоциативного нанизывания — это также смазывает явственность идентификации той или иной части высказывания как его информативного центра.)

Возьмем еще такой художественный текст, имитирующий разговорную речь: «Так они что сделали: взяли ежей там развели, и все... — Дак они что, едят змей? — Еще как! Ежи и свиньи — жрут за милую душу. Кабаны еще дикие — тоже едят» (В. Шукшин, В селе Чебровка, «Новый мир», 1969, 10). Думается, что было бы ошибкой стремиться видеть в каждой такой фразе коммуникативное расчленение (хотя приведенный текст является в гораздо большей степени актуализируемым в силу своего характера, чем, например, авторские рассуждения философского или этического характера, как у Достоевского или Толстого). Там же, где оно действительно явственно представлено (последние две фразы), оно осу-

³¹ Н. Ю. Шведова пишет: «Актуализированный или, что то же самое, функционально измененный словопорядок не существует сам по себе; он выявляется только в противопоставлении „неактуализированный словопорядок /актуализированный словопорядок“» (указ. соч., стр. 45). Это вполне справедливое, на наш взгляд, понимание сути актуализации восходит к В. Матезиусу.

³² В. И. Трубинский, Об участии постпозитивной частицы *то* в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров), «Севернорусские говоры», 1, Л., 1970, стр. 59.

³³ В последнее время все чаще раздаются голоса с указаниями на такого рода явления. См.: Ю. М. Скребнев, К критике проблемы универсальной единицы синтаксиса, «Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков».

ществляется с помощью представления части (частей) высказывания как его информативного центра (центров); этот центр (центры), в свою очередь, может быть — в случаях указаний со стороны контекста — интерпретирован в терминах «данное» — «новое», а может и не поддаваться такой интерпретации.

Скорее всего актуализация должна пониматься в плане потенциальной возможности каждого высказывания (естественно, кроме однословного) представляться в речи расчлененно в коммуникативном отношении. Принципиальных ограничений для такого представления, видимо, не существует (некоторые случаи сопротивления грамматического и лексического материала предстоит обследовать особо). Осуществление этой возможности связано с коммуникативными установками говорящего (пишущего), в задачи которого может входить или не входить специальное проявление информативной структуры высказывания.

Здесь возникает вопрос о принципах использования контекста, роль которого в анализе коммуникативной структуры высказывания нередко абсолютизируется. Следует иметь в виду, что существуют разные виды текстов (вплоть до единичных реплик) и разные принципы организации связного текста, поэтому и степень зависимости конкретного высказывания от контекста может быть различной, начиная от нуля и кончая полной обусловленностью.

Теперь обратим внимание на то, что, помимо неравномерности проявления актуализации в пределах одного текста, существуют и целые речевые сферы с максимально и минимально выраженной тенденцией к актуализации. Чем более непосредственным является контакт с собеседником, тем больше возможности для говорящего влиять на восприятие его речи собеседником и ставить себе специальные коммуникативные задачи (отметим, что в устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка сформировались специальные приемы и средства — и не только в области словорасположения и интонирования, но и в области собственно синтаксиса³⁴ — для выражения таких задач). И напротив — если контакт с собеседником опосредствован письменными средствами, у пишущего на первый план выступает задача адекватной передачи своей мысли — ведь у того, кто будет читать, у его заочного корреспондента будет возможность повторить свое восприятие текста и вновь к нему вернуться (у слушающего такой возможности нет). Поэтому такое средство организации высказывания, как порядок расположения компонентов, подчиняется разным факторам в таких, например, речевых антиподах, как устно-разговорная разновидность современного русского литературного языка и научный стиль, будучи в большей мере обусловленным требованиями актуального членения в первом случае и требованиями грамматической завершенности высказывания во втором. От этого зависит и его большая строгость, меньшая варьируемость во втором случае.

Возьмем такие, например, фразы научного текста: «Бензиловый спирт в конечной концентрации $1 \cdot 10^{-2}$ М довольно сильно тормозит деаминацию тирамина, β -фенилэтиламина и бензиламина. При уменьшении концентрации бензилового спирта до $1 \cdot 10^{-3}$ М наблюдается отчетливо выраженная избирательность в торможении: гораздо сильнее тормозится деаминация 4-ОН-, 4-ОСН₃- и 4-NH₂-производных β -фенилэтиламина, чем незамещенного β -фенилэтиламина, его 4-хлорпроизводного и бензиламина. Аналогичным тормозящим действием обладают β -фенилэтиловый и β -циклогексилэтиловый спирты. Из спиртов алифати-

³⁴ См.: О. А. Лаптева, О некодифицированных сферах современного русского литературного языка, ВЯ, 1966, 2.

ческого ряда ингибиторные свойства появляются только у гомологов с числом метиленовых групп больше 5, а октиловый спирт вызывает уже такое же торможение, как и бензиловый спирт». Обозначить здесь предмет речи как тему — значит не внести ничего содержательно нового в его языковую характеристику. Тем более вряд ли следует обозначать его как данное (это просто неверно). Информативные центры, связанные с осуществлением коммуникативной задачи пишущего, здесь также не сформированы (этому препятствует и строгий порядок следования элементов, почти не способный в научном тексте современного русского литературного языка подвергаться изменениям). Налицо здесь ясно выраженная логическая структура текста (цепи суждений с выраженными *S* и *P*), требующая определенной грамматической (синтаксической) организации, в которую включается и определенный порядок следования элементов³⁵. Если же обратиться к газетным текстам типа приведенных выше (ср. еще: «Какое нужно освещение для растений? Сколько им нужно подавать энергии? Такие вопросы стоят в наши дни перед учеными разных стран» — ВМ 15 XII 69), то можно отметить, что расчленение высказывания на центры, идущее от устно-литературной речи, стало здесь своего рода приемом, литературным штампом³⁶, приметой этого вида текстов³⁷.

Представляет ли собой актуальное членение в таком случае явление особого уровня языковой системы? Вряд ли. Коммуникативные задачи сообщения связаны с его мыслительной, содержательной стороной. Языковые средства их воплощения — это лишь некоторые способы организации речевого материала, не претендующие на специальный языковой статус. Что касается отражения в предложении логической структуры суждения, то связывать его только с актуальным членением, на наш взгляд, не обязательно. Оно проявляется и в собственно строевой, синтаксической организации предложения.

IV. Актуальное членение как языковое явление имеет закрепленные за ним средства выражения — интонацию и порядок слов (а для устно-разговорной разновидности современного русского литературного языка и ее письменных отражений — и ритмическую организацию высказывания³⁸). Эти средства нуждаются в рассмотрении с точки зрения их специализации для выражения актуального членения.

В научной литературе широко пользуются понятием логического ударения³⁹. Обычно под ним понимается усиленная акцентуация того или иного слова фразы с целью его смыслового подчеркивания (или, пользуясь нашей терминологией, с целью выражения его коммуникативной нагруз-

³⁵ Об особенностях актуального членения в научном тексте см.: О. А. Л а п т е в а, [рец. на кн.:] И. И. Ковтунова, Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в., ВЯ, 1970, 5, стр. 124; е е ж е, О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы, сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966. В ином аспекте см. также: Ф г. Д а н е š, указ. соч.

³⁶ См., например: А. М. Л о м о в, Письменные эквиваленты разговорных конструкций в языке газет, сб. «Развитие русского языка в советскую эпоху».

³⁷ Здесь, как и во многом другом, по существу нет расхождения с точкой зрения В. Д. Левина (В. Д. Л е в и н, Литературный язык и художественное повествование, сб. «Вопросы языка современной русской литературы», М., 1971, стр. 72 и сл.), хотя он и считает нашу интерпретацию «ошибочной», делая акцент на генезисе соответствующих конструкций. Думается все же, что решительное исключение устно-речевого генезиса в подобных случаях никак не оправдывается языковой действительностью.

³⁸ См.: О. А. Л а п т е в а, Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения, ВЯ, 1969, 1.

³⁹ См., например, такие диаметрально противоположные по методам, установкам и результатам работы, как: О. Д а н е š, указ. соч.; В. В. О с о к и н, Логическое ударение, Томск, 1968.

ки)⁴⁰. Использование этого понятия позволяет весьма свободно маневрировать языковым материалом и создает широкие возможности для его схематизации. Так, считается, что фраза *Стоит дом* допускает четыре возможности — по количеству акцентуемых членов и перестановок членов фразы⁴¹. Интерпретируя тот или иной материал, исследователь, как правило, пользуется практически неограниченной свободой в утверждении факта наличия логического ударения на том или ином слове текста. Это побуждает критически отнестись к расширенному употреблению термина «логическое ударение» и обратить внимание на следующее.

1. Устанавливая понятие логического ударения, необходимо выяснить средства его материального выражения, т. е. изучить его интонационные компоненты в их отношении к компонентам фразового ударения. Обычно вслед за расширительно трактуемым высказыванием Л. В. Щербы утверждается, что если ударение не падает на конец фразы, то это инверсия, или логическое ударение. Это утверждение нуждается в проверке. Предварительные наблюдения показывают, что в русском литературном языке логическое ударение не имеет специфических интонационных характеристик, обнаруживая те же составляющие, что и основные типы интонационных конструкций⁴². Задача состоит в том, чтобы определить, в каких синтаксических условиях и с помощью каких материальных средств осуществляется взаимодействие семантики слова и интонации, которое в одних случаях дает смысловой эффект, в других же остается в пределах собственно фонетики слова⁴³.

2. Если тем не менее удастся однозначно определить признаки, по которым данное слово фразы можно считать логически ударенным, то предстоит выяснить, каждый ли значимый элемент текста (вообще или в данном тексте) может по желанию говорящего получать логическое ударение. Думается, что это существенно сузит возможности произвольного экспериментирования в этой области и свободу интерпретаций. Так, может оказаться, что во фразе *Стоит дом* логическому ударению, кроме названных четырех возможностей, будут подвергнуты оба члена сразу — или ни один. Может оказаться также, что слово *стоит* вообще не подвергается логическому ударению.

3. Далее, наконец, предстоит выяснить — уже не в плане только потенциальной возможности, — какие признаки позволяют считать слово реального естественного текста логически ударенным. Может оказаться, что это редкое средство, не типичное для организации совокупности слов, составляющих текст. Может оказаться далее, что в кратких (и единично употребляемых) устно-разговорных репликах логическое ударение также реально используется не часто. Может оказаться также, что коммуникативно важная часть высказывания отнюдь не всегда получает логическое ударение. Так, например, в устно-разговорных высказываниях типа — *Ты открбй себе окбшечку; — Кбленька, тбпки ты свои брбсил* вычленению информативных центров способствует ритмическая организация фразы.

Итак, предстоит выяснить материальные средства и условия осуществления логического ударения. Что касается интонации в целом, то она,

⁴⁰ Иногда оно понимается и в отвлечении от голосового выражения — только как смысловой, логический акцент.

⁴¹ Ср. эксперименты А. В. Исаченко («О грамматическом порядке слов», ВЯ, 1966, 6) и схемы новой академической «Грамматики». См. еще: J. Mistrík, указ. соч., стр. 82.

⁴² Это дает основание Е. А. Брызгуновой считать термин «логическое ударение» излишним (см.: Е. А. Брызгунова, Интонация и смысл предложения, «Русский язык за рубежом», 1967, 1, стр. 35).

⁴³ См.: Е. А. Брызгунова, О смыслообразительных возможностях русской интонации, ВЯ, 1971, 4.

видимо, является комплексным средством организации фразы как производимой единицы, высказывания как воплощения в речи структуры предложения и предложения как единицы языка. О ее закреплённости за актуальным членением в качестве специфического средства его выражения говорить не приходится.

Порядок слов выступает в тех же общих функциях (кроме первой), что и интонация, и также не является специфическим средством выражения актуального членения, хотя и широко используется с этой целью. Сложность выявления этих случаев состоит в том, что не каждое отклонение порядка слов от эталона структурной схемы предложения является механическим сигналом функции выражения актуального членения. Дистантное разъединение обычно контактно располагаемых членов, в частности, может вызываться и иными причинами — например, газетной имитацией разговорной речи (примеры см. выше). В устной же речи носителей современного русского литературного языка разного рода разъединения осуществляются в связи с требованиями ритмической организации высказывания, строящегося по принципу чередования ударных и безударных звеньев (ср.:— *Ты м н о г о увидишь и н т е р е с н о г о; Я вообще удивляюсь, что м а л о тут п о ж а р о в; Там с т о л ь к о было н а р о д у — ужас просто*). При этом они также могут выражать раздельное оформление информативных центров, но лишь факультативно и обычно в случаях семантической полновесности слова (не всякое разъединение непременно указывает на актуализацию высказывания). С этим связано и широкое распространение в реальной речи коммуникативно равноценных вариантов, ср. *Очень дблго они были в клинике = бчень они были дблго в клинике*⁴⁴.

Вообще надо сказать, что автоматизм, свойственный речи любого функционального типа, сильно ограничивает сферу реального проявления актуального членения. Порядок слов стремится к клишированию, возникают ходовые шаблоны, и при их использовании в речи задачи актуального членения отступают на задний план, осуществление коммуникативного задания затрудняется.

С другой стороны, для случаев свободного пользования порядком слов вне сложившихся клише в такой, например, сфере, как спонтанная устная речь, сильно действует принцип ассоциативного нанизывания слов, отражающего свободную смену возникающих представлений. Ср. приведенные выше диалектные примеры, а также такие, например, случаи: «И потом она... К ним позвонили! И они... и она собаку вот так натравила: „Фс!“ — и она пошла»⁴⁵.

Таким образом, механизм проявления актуального членения показывает, что специфическими, только за ним закреплёнными средствами выражения своих единиц оно не располагает. Актуализация высказывания наличествует в реальном тексте далеко не всегда. Это снова заставляет усомниться в существовании особого языкового уровня — уровня актуального членения.

В этой статье были намечены некоторые задачи исследования явлений актуального членения. Видя пользу в сомнении, мы ограничились лишь постановкой некоторых вопросов и ни в коей мере не стремились ни к исчерпывающему их перечислению, ни тем более к их однозначному решению.

⁴⁴ На материале согласованных определений такие варианты устанавливаются в статье: О. А. Л а п т е в а, Расположение компонентов в группе «определяемое — одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи, сб. «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967.

⁴⁵ В. В. Г а р а н и н а, Особенности синтаксиса устной монологической речи учащихся второго класса, сб. «Русская разговорная речь», Саратов, 1970, стр. 204.